

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH16185-103>

Тахнаева П.И.
к.и.н., старший научный сотрудник,
Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ptakhnaeva@gmail.com

**АХУЛЬГО:
К ВОПРОСУ О НЕСОСТОЯВШИХСЯ
«МИРНЫХ ПЕРЕГОВОРАХ» ПО МЕСТНЫМ ХРОНИКАМ
И ОФИЦИАЛЬНЫМ РУССКИМ ИСТОЧНИКАМ
(ИЮНЬ-АВГУСТ 1839 г.)**

Аннотация. Сражение за Ахульго – одна из крупных военных операций Кавказской войны, проведенных в Дагестане Чеченским отрядом Кавказской армии под командованием ген.-лейт. П.Х. Граббе с 12 июня по 29 августа 1839 г. По русским и местным источникам известно, что стороны не раз предпринимали попытки завершить кровопролитное противостояние переговорами. По русским источникам – переговорами о капитуляции, по местным источникам – о мирных соглашениях.

В настоящей статье рассматриваются взгляды сторон на переговоры, динамика и содержание переговорного процесса, его связь с различными этапами осады. Впервые вводится в научный оборот новый источник, официальный документ, подробнейшая хроника осады Ахульго – военные журналы отряда с 12 июня по 30 августа 1839 г., которые ежедневно заполнял командир экспедиционного отряда ген.-лейт. П.Х. Граббе. Переговоры, получившие развитие во второй половине августа, по местным и русским источникам завершились неоднозначно – выдачей сына имама в заложники («аманаты») и штурмом Ахульго. Стороны обвиняли друг друга в нарушении взятых на себя обязательств или в их невыполнении.

По официальным русским источникам решение задач по «усмирению Дагестана» в 1839 г., поставленных императором Николаем I перед кавказским командованием, предполагало «уничтожение укрепленного жилища Шамиля на скале Ахульго» и «истребление Шамиля». Конечная цель решения этих задач исключала заключение мирных соглашений с горцами. Тем не менее, по местным источникам (Мухаммад-Тахир ал-Карахи, Абдурахман ал-Газигумуки, Гаджи Али, Х. Геничутлинский) «несостоявшиеся мирные переговоры» утвердилась в памяти горцев как история «обмана и нарушения слова русских».

Ключевые слова: Кавказская война; Ахульго; имам Шамиль; ген. П.Х. Граббе; имамат; аманат; переговоры о мире; капитуляция.

© Тахнаева П.И., 2020

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2020

 Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH16185-103>

Patimat I. Takhnaeva,
PhD (In History), Senior Researcher
Institute of Oriental Studies of RAS, Moscow, Russia
ptakhnaeva@rambler.ru

**AKHULGO:
ON THE ISSUE OF THE FAILED
“PEACE NEGOTIATIONS” ACCORDING TO LOCAL CHRONICLES
AND OFFICIAL RUSSIAN SOURCES
(JUNE-AUGUST OF 1839)**

Abstract. The Battle for Akhulgo was one of the largest military operations of the Caucasian War, carried out in Dagestan by the Chechen detachment of the Caucasian army under the command of Lieutenant General P.H. Grabbe from June, 12 to August, 29, 1839. It is known that the parties made numerous attempts to end this bloody confrontation by negotiations: according to Russian sources – the negotiations on surrender, according to local ones – on peace agreement.

The paper presents the points of view of the both parties, dynamics and subject of the negotiating process, its connection to different stages of the siege. The author introduces a new source, an official document, a detailed chronicle of the siege of Akhulgo – military journals of the detachment from June 12 to August 30, 1839, which was filled daily by the commander of the expeditionary detachment Lieutenant General P.H. Grabbe. The negotiations, which were carried out in the second half of August, according to local and Russian sources, ended ambiguously – with the release of the imam’s son as a hostage (“amanate”) and the siege of Akhulgo. The parties accused each other of violating their obligations or failure to fulfill them.

According to official Russian sources, the solution of the tasks of “suppressing Dagestan” in 1839, set by Emperor Nicholas I before the Caucasian command, implied “the destruction of the fortified home of Shamil on the Akhulgo Rock” and “the elimination of Shamil”. The ultimate goal of solving these problems excluded the conclusion of peace agreements with the mountaineers. Nevertheless, according to local sources (Muhammad-Tahir al-Karakhi, Abdurahman al-Gazigumuki, Haji Ali, H. Genichutlinsky) the “failed peace talks” were remembered as a story of “deception and break of the Russian promises”.

Keywords: Caucasian War; Akhulgo; Imam Shamil; General P.H. Grabbe; imamate; amanate; peace talks; capitulation.

Сражение за Ахульго, проведенное Чеченским отрядом Кавказской армии под командованием ген.-лейт. П.Х. Граббе с 12 июня по 29 августа 1839 г., было запланировано кавказским командованием в конце 1838 г. Командир Отдельного Кавказского корпуса ген. Е.А. Головин в предстоящих на следующий год действиях в Дагестане, с целью «положить предел распространению власти и влияния Шамиля» настаивал на необходимости применить «сильные меры», чтобы «уничтожить укрепленное жилище Шамиля на скале Ахульго»¹. Под предстоящими «сильными мерами» предполагалось нанесение весной 1839 г. военного удара по укреплению Ахульго с целью его уничтожения. На полях документа, рядом с этими строками, император Николай I собственноручно написал: «Покорение и усмирение Горного Дагестана, ... равно необходимо, ибо без онаго, ни покоя, ни верного владычества иметь на Кавказе не можем»².

Осада Ахульго, длившаяся с 12 июня по 29 августа 1839 г., разбивается на ряд условных этапов: 1) начало осады Ахульго (12 июня), 2) взятие Сурхаевой башни (5 июля), 3) первый штурм (16 июля), 4) первая попытка имама вызвать русских на мирные переговоры (27 июля), 5) окончательная блокада обеих Ахульго (4 августа), 6) вторая безуспешная попытка мирных переговоров (7–16 августа), 7) второй штурм Ахульго (17 августа), 8) выдача сына имама в аманаты, провал переговоров (17–19 августа), 9) третий штурм и взятие обеих Ахульго (20–29 августа). Известно, что стороны были не прочь разрешить противостояние переговорами, по русским источникам – о капитуляции, по местным – о мирных соглашениях. В настоящей статье предпринята попытка рассмотреть взгляды сторон на переговоры, динамику и содержание переговорного процесса, его связь с различными этапами осады. Впервые вводится в научный оборот интереснейший источник, официальный документ, подробнейшая хроника осады Ахульго – военные журналы отряда с 12 июня по 30 августа 1839 г., которые ежедневно заполнял ген. Граббе, с ремарками императора на полях (каждые 7–10 дней они отправлялись в Тифлис, Петербург).

С началом осады Ахульго, в рапорте от 30 июня, ген. Граббе писал военному министру: «Замок Ахульго почти недоступен, но он должен быть взят или приступом, или продолжительным тесным обложением... Итак, какие бы жертвоприношения не были сделаны, они должны выкупиться взятием Ахульго и истреблением Шамиля»³. «Решительно неприступный замок Ахульго» (по отзыву ген. Граббе) состоял из системы укреплений – Старое Ахульго, Новое Ахульго и Шулатулгох, известная по имени одного из его защитников как «Сурхаева башня». Первые два располагались на двух «полуостровных» утесах, вдающихся в р. Андийское Койсу. Сурхаева башня, мощное укрепление

1 Рапорт командира Отдельного Кавказского корпуса ген.-л. Головина военному министру ген.-ад. гр. Чернышеву, 21 марта 1839 г. // РГВИА Ф. 846. Оп. 16. Д. 6361. Ч. 1. Л. 51.

2 Там же, Л. 51.

3 Военный журнал отряда, действующего на Левом фланге Кавказской линии с 17-го по 25-е июня 1839 г. // РГВИА Ф. 846. Оп. 16. Д. 6361. Л. 234

на скале, возвышалось над Новым Ахульго, блокируя к нему все подступы на пушечный выстрел. Датой начала ахульгинской эпопеи принято считать 12 июня 1839 г., когда войска приступили к осадным работам. Однако вплоть до 5 июля, до взятия Сурхаевой башни (что привело к потерям 29 июня убитыми и ранеными 315 человек, 5 июля – 202 человека)⁴, войска не имели возможности подойти к Ахульго на ружейный выстрел. Мухаммад-Тахир аль-Карахи отмечал, что в течение месяца, пока Шулатулгох находился в руках имама, «Ахульго особо большого ущерба не понес» [1, с. 69]. Взятие Шулатулгоха в корне переломило ситуацию – войска теперь приблизились к Ахульго на пол-ружейного выстрела. Это позволило ген. Граббе, с получением 12 июля из Темир-хан-Шуры подкрепления, «неотлагательно», уже 16 июля «произвести общий приступ» [2, с. 115]⁵. С пополнением отряд состоял из 13 батальонов и 30 орудий, численная сила (пеших и конных) достигала до 8.600 человек в строю, местной милиции 3.570 человек, всего – до 12.169 чел.⁶.

Первый штурм Ахульго, 16 июля

В течение нескольких дней штурму предшествовала интенсивная артиллерийская подготовка: с 10-го по 15-е июля 12 легких орудий, 8 горных единорогов и 6 кегорновых мортир расположились в боевой линии вокруг Ахульго, обстреливая все пункты, не закрытые от действия артиллерии⁷. Тем не менее, ген. Граббе был вынужден признать, что хотя артиллерийский огонь разрушил или значительно повредил «неприятельские завалы и укрепления, возвышавшееся над землею», ощутимый урон живой силе противника он не нанес⁸. Ген. Граббе принимает единственно верное, на его взгляд, решение – «выбить горцев из укреплений штыком» и назначает на 16 июля «штурм обоих замков»⁹. Решение крайне удивило офицеров отряда, Милютин с досадой писал: «Мы не могли объяснить себе, что побудило наше начальство приступить к такому важному трудному делу столь внезапно, без предварительных подготовительных мер. Едва успели составить диспозицию и разослать ее по войскам; на батареях не было запасено достаточно зарядов; не было дано времени на то, чтобы предварительно артиллерийским огнем облегчить путь пехоте» [3, с. 226]. В течение часа перед началом штурма велась интенсивная артиллерийская стрельба со всех батарей по головным частям обоих Ахульго, и в пять часов вечера был дан сигнал к атаке. Штурм

4 Военный журнал отряда, действующего на Левом фланге Кавказской линии с 25-го июня по 5-е июля 1839 г. // РГВИА Ф. 846. Оп. 16. Д. 6361. ЛЛ. 261–270.

5 Военный журнал отряда, действующего на левом фланге Кавказской линии, 5–17 июня 1839 г. // РГВИА Ф. 846. Оп. 16. Д. 6361. Ч. 1. Л. 279.

6 Милютин Д.А. Блокада Ахульго с 12-го июня по 30-е августа (продолжение) // Кавказ, № 31, 30 июля, 1849 г.

7 Военный журнал отряда, действующего на левом фланге Кавказской линии, 5–17 июля 1839 г. // РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6361. Ч.1. Л. 281

8 Военный журнал... 5–17 июля 1839 г. // РГВИА Ф. 846. Оп. 16. Д. 6361. Ч. 1. Л. 281.

9 Там же, Л. 281

с первых часов ожидаемо захлебнулся в крови штурмующих, солдаты были обречены на бойню и гибель. Милютин вспоминал: «Батальоны шли на убой» [3, с. 228]. После штурма ген. Граббе записал в своем дневнике: «16 июля. В четыре часа пополудни приступ к Новому Ахульго ...Огромная потеря с обеих сторон, особливо с нашей. ... Жестокий день! ...Все опять по местам и, кроме потери, никаких последствий» [2, с. 116].

На следующий день, 17 июля, ген. Граббе запишет в «Военном журнале», что он «предвидел, что штурм должен был быть весьма кровопролитный», и аккуратно выведет столбиком трехзначные цифры в таблице потерь, датированной 16 июля: «Убитыми 1 штаб-офицер, 6 обер-офицеров, 143 нижних чинов, ранеными 5 штаб-офицеров, 35 обер-офицеров, 578 нижних чинов»¹⁰. Он признает, что «этот штурм нам стоил дорого» – в общей сложности в тот день из строя было выведено 768 человек. Милютин писал: «Невыразимое уныние наступило во всем отряде» [3, с. 228]. Однако огромные потери ген. Граббе не остановили, под столбиком цифр о понесенных потерях в тот день он невозмутимо записал: «Убежденный в совершенной необходимости разрушить последнее убежище Шамиля Ахульго и истребить последние его силы – я решился взять замок во чтобы то ни стало. ... Новый приступ, без сомнения, будет стоить нам больших жертвований»¹¹. По сведениям, доставленным позже лазутчиками, горцы также понесли потери убитыми и ранеными (преимущественно из жителей Чиркея), но, как замечал военный историк А.Л. Зиссерман, совсем немного, «до 150 человек, да и это едва ли верно, так как горцы стреляли из закрытий в беззащитную толпу солдат» [4, с. 133]¹². Карахи о первом штурме коротко писал: «Русские затем дали сражение, но были перебиты» [1, с. 69].

Отложенный штурм.

Полная блокада Ахульго, 4 августа

Между тем, ген. Граббе не спешил со вторым штурмом. Он не мог не считаться с тем, что его противник по-прежнему силен. Еще 2 июля в своем дневнике он записывал: «По известиям устроен у неприятеля мост или кладка через Андийское Койсу при Новом Ахульго. Гумбетовцы обещали усилить гарнизон 300-ми человек» [2, с. 115]. Ему так же хорошо было известно о том, что с середины июня, как только последние батальоны оставили Чиркату и перешли на правый берег Койсу, разрушив за собой мост, ее тут же заняли горцы. А вскоре имам Шамиль устроил по левому берегу Андийского Койсу практически бесперебойную переправу к Новому Ахульго. Карахи писал: «Для тех, кто приходил на Ахульго и уходил оттуда, дорога шла через Чирката. По ней поступали нужные вещи и припасы, большая часть из которых шла из Чиркея» [1, с. 69]. Зиссерман подтверждал: «Ежедневно на левом берегу реки Койсу приходили в виду нашего отряда выюки с продовольствием и порохом.

Даже ближайšie к нам селения продолжали иметь сношения с Шамилем и ободряли его к продолжению упорной обороны» [4, с. 133–134]. А 17 июля, на следующий день после первого штурма, в дневнике ген. Граббе появилась запись: «На левом берегу Койсу показались два значка и человек двести горцев. Вечером они подошли и вступили в сношение с Ахульго» [2, с. 117]. По показаниям лазутчиков, после этого пополнения на Ахульго находилось уже до 1800 человек вооруженных мюридов [4, с. 133]. По Зиссерману, «на другой день после штурма ... прибыло к нему [имаму] до 100 человек чиркеевцев и столько же из разных других селений» [4, с. 134]. Накануне штурма, по данным лазутчиков, «скопище Шамиля» на Ахульго не превышало 1000–1200 человек¹³.

Только на следующий день после штурма, 17 июля, ген. Граббе впервые записал в «Военном журнале» о том непрерывном сообщении осажденных с противоположным берегом, которое поддерживало их силы: «Во время шестинедельного пребывания здесь наших войск, горцы успели, ... выкопать или высечь в скале, спуски к реке Койсу, устроили в недавнем времени мост и получали от соседственных непокорных селений запасы и подкрепления»¹⁴. Оно делало бессмысленным месячное «сидение» войск у Ахульго, но ген. Граббе объяснял незавершенную им полную блокаду недостаточностью сил отряда первое время, но в действительности, он не придал ей тогда должного значения, позже признаваясь: «Вначале блокады я считал эту меру излишнею и неудобною...»¹⁵. В тот же день, 17 июля, с целью «совершенного обложения Ахульго и прекращения всякого сообщения с дагестанскими обществами» и «лишения горцев возможности получать запасы и подкрепления», было принято решение о полной блокаде Ахульго¹⁶.

Чтобы перевести войска на левый берег р. Андийского Койсу прежде всего необходимо было восстановить через нее переправу – ее организация затянулась до 4 августа. Пока она строилась, в «Военном журнале» от 26 июля появилась запись, в которой ген. Граббе не сомневался в том, что его новая стратегия верна – достаточно лишить имама Шамиля сообщения с левым берегом и ввести полную блокаду укреплений обоих Ахульго: «Сведения, полученные через лазутчиков о крайне стесненном положении скопищ Шамиля, заключенных в обоих замках, убедили меня на время отложить штурм и продолжить осаду Ахульго. Но чтобы достигнуть вполне предположенной цели, необходимо было занять левый берег Андийского Койсу...»¹⁷. К тому времени ген. Граббе был информирован лазутчиками о том, что «сборище

13 Военный журнал отряда, действующего на левом фланге Кавказской линии, 5–17 июля 1839 г. // РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6361. Ч. 1. Л. 281

14 Военный журнал отряда, действующего на левом фланге Кавказской линии, 27 июля – 5 августа 1839 г. // РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6361. Ч. 1. Л. 299.

15 Там же, Л. 299

16 Милютин Д.А. Блокада Ахульго с 12 июня по 30 августа (окончание) // Кавказ, 6 августа, 1849 г., № 32.

17 Военный журнал отряда, действующего на левом фланге Кавказской линии, 5–17 июля 1839 г. // РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6361. Ч. 1. Л. 299.

Шамиля находится в крайнем положении и ... претерпевает всевозможные лишения»¹⁸. «В таких обстоятельствах, – продолжал ген. Граббе, – я счел полезнее отложить штурм и продлить блокаду старого и нового Ахульго в надежде достигнуть предположенной цели несколько медленнее, но с меньшей потерей. Следствия блокады скоро должны обнаружиться...»¹⁹. Милютин резюмировал: «Решено было наконец привести в действие предположение, о котором давно уже были толки – распространить блокаду и на левый берег Койсу» [5, с. 250].

4 августа, после несколько затянувшейся переправы и утверждения Кабардинского полка на противоположных Ахульго высотах левого берега Койсу, кольцо блокады замкнулось. Были прерваны все жизненно важные коммуникации осажденных с внешним миром: «Прибывший из Анди в тот же день андийский кади Галбац с транспортом запасов и подкреплениями к Шамилю уже не смог пробраться в Ахульго и остановился на высотах левого берега Койсу, затем через несколько дней ушел, видя совершенную невозможность проникнуть в Ахульго. Другой транспорт, приготовленный для Шамиля чиркеевцами, так же не достиг своего назначения»²⁰.

С началом полной блокады положение осажденных резко ухудшилось. Теперь войска не только держали под контролем все подходы к обеим Ахульго – на ее поверхности теперь не осталось места, которое бы не обстреливалось артиллерией²¹. Осажденные также потеряли возможность спускаться к Койсу за водой (речка Ашильтинка в ущелье между двумя Ахульго была давно завалена трупами). Карахи писал о тяжелом положении осажденных: «Появилось много раненных и больных... Воду они доставали, отдавая на погибель каждую ночь по одному человеку» [6, с. 99–100]. Шесть орудий в двух батареях, поставленные на высотах левого берега, прямо напротив Ахульго, днем и ночью обстреливали те части обеих Ахульго, которые прежде были закрыты от батарей с правой стороны Койсу. Карахи передавал: «Бедственное положение мюридов ухудшалось, им стало тяжело» [6, с. 99–100].

Попытки имама завершить противостояние у Ахульго мирными переговорами, 27 июня – 16 августа

Карахи, со слов имама, писал о его планах в начале осады: «Будем противостоять русским до трех месяцев. Надеюсь, к тому времени люди, находящиеся извне, или хотя бы часть из них выступят на бой с врагами для нанесения им вреда с тыла» [6, с. 99–100]. Однако ожидания имама,

¹⁸ Там же.

¹⁹ Военный журнал отряда, действующего на левом фланге Кавказской линии, 17–27 июля 1839 г. // РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6361. Ч. 1. Л. 293.

²⁰ Милютин Д.А. Блокада Ахульго с 12 июня по 30 августа (окончание) // Кавказ, 6 августа, 1849 г., № 32.

²¹ Военный журнал отряда, действующего на левом фланге Кавказской линии, 4–14 августа 1839 г. // РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6361. Ч. 2. Л. 7.

что появление «нового вооруженного скопища для нападения ... с тыла блокирующих войск заставит немедленно русских снять блокаду»²², не оправдались. В военном журнале ген. Граббе со слов лазутчиков писал: «По сведениям, полученным 17 июня, Шамиль отправлял двух своих мюридов к Карахскому и соседним обществам с просьбою о помощи, но они колеблются, ссылаясь на Аргуанский бой, где почтеннейшие их старшины были истреблены»²³. Горцы не оправались после аргванинской катастрофы – месяц назад в течение двух суток только убитыми они потеряли до пятисот человек, ранеными до полутора тысяч [7, с. 119]. По сведениям ген. Граббе «на убеждения Шамиля, призывающего их на помощь, они отвечали, что лишены главных своих предводителей, что заняты погребением тел своих родственников, убитых при Аргуанском побоище, и что они не в состоянии предпринять никакого решительного действия против русских, только их малые партии собираются на разных пунктах Нагорного Дагестана и ожидают в нерешимости окончания дела при Ахульго»²⁴.

Возможно, убедившись в том, что он так и не дожидается поддержки извне, имам решается выйти из затянувшегося противостояния под Ахульго заключением мирного договора – и на его условиях, как это удалось ему в 1837 г. в осажденном Телетле. За неделю до взятия Сурхаевой башни в дневнике ген. Граббе появилась первая запись о намерениях имама открыть переговоры: «27 июня. Жестокий зной. ...Шамиль делает первую попытку вступить в переговоры через чиркеевцев. Оставлен без ответа» [2, с. 114–118]. Возможно, имама вынудил пойти на этот шаг тот факт, что у осажденных еще не была налажена связь с левым берегом Койсу, а ряд попыток, когда «хунзахский абрек» Ахверды Магома пытался «нанести врагам боем с тыла» (18–22 июня), оставались безуспешными²⁵. Спустя еще две недели, в первых числах июля (по записям в военном журнале отряда) имам очередной раз «через чиркеевцев обнаружил желание вступить в переговоры», однако ген. Граббе отказался их слушать²⁶. И хотя, как писал Зиссерман, «последняя неудачная попытка штурма еще более внушила неприятелю уверенности в себе», а «имам надеялся, что рано или поздно русские войска будут вынуждены снять осаду»²⁷, осажденные горцы к концу июля вновь выступают инициаторами мирных переговоров. Однако ген. Граббе категорически отказывался их начинать без «предварительной выдачи сына в аманаты, как залог покорности» [2, с. 119].

С 13 июля двенадцать легких орудий, восемь горных единорогов и шесть

22 Милютин Д.А. Блокада Ахульго с 12 июня по 30 августа (продолжение) // Кавказ, 23 июля, 1849 г., № 30

23 Военный журнал отряда, действующего на левом фланге Кавказской линии, 9-17 июня 1839 г. // РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6361. Ч. 1. Л. 212.

24 Военный журнал отряда, действующего на левом фланге Кавказской линии, 9–17 июня 1839 г. // РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6361. Ч. 1. Л. 209.

25 Военный журнал отряда, действующего на левом фланге Кавказской линии, 17–25 июня 1839 г. // РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6361. Ч. 1. Л. 224–228.

26 О положении дел в Дагестане и на Левом фланге Кавказской линии в 1839 г. и о взятии нашими войсками замка Ахульго // РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6361 Ч. 2. Л. 227, Л. 264 (об).

27 Там же, С. 134.

кегорновых мортир расположились в боевой линии вокруг обоих Ахульго, ежедневно, буквально в упор, обстреливая его («завалы», «сакли», «деревню мюридов», «жилища мюридов», «сам замок»)²⁸. По дневниковым записям ген. Граббе, последнюю неделю июля имам был особенно настойчив: «24 июля. Новая попытка Шамиля вступить в переговоры», «27 июля. Переговоры с присланным от Шамиля; выгнал его. Два часа перемирия. Усиленные меры для устройства переправы. Кажется, дело близко к развязке», «28 июля. Опять посланный от Шамиля для переговоров. Не принял его, требуя непременно выдачи сына в аманаты, как залог покорности» [2, с. 114–119]. Граббе мог позволить себе подобную непреклонность, он был информирован о тяжелом положении осажденных: «По сведениям, полученным чрез лазутчиков, сборище Шамиля находится в крайнем положении. Во время штурма 16 июля оно понесло большую потерю и в продолжении блокады убиты многие из отважнейших мюридов. В течение шести недель осажденные горцы, столпившиеся на каменном утесе, претерпевают всевозможные лишения; воздух заразился от тел убитых людей и множества падшего скота, коих гниению способствуют непрерывные и сильные жары. Между ними появились повальные болезни. В таких обстоятельствах я счел полезнее отложить штурм и продлить блокаду старого и нового Ахульго, в надежде достигнуть предположенной цели несколько медленнее, но с меньшею потерей. Следствия блокады скоро должны обнаружиться...»²⁹.

Участник осады Д.А. Милютин подтверждал, что еще до того, как замкнулось кольцо блокады Ахульго, имам стремился разрешить кровопролитное противостояние мирными переговорами: «С 24 июля ходили у нас в штабе слухи о желании Шамиля войти в переговоры. ...27-го числа действительно явился парламентаром чиркеевский житель Биакай ...По случаю переговоров заключено было двухчасовое перемирие, которым обе стороны воспользовались, чтобы убрать хотя отчасти валявшиеся еще трупы убитых. ... переговоры не привели ни к какому результату. Генерал Граббе требовал от Шамиля, в удостоверении искренности его, предварительной выдачи сына в заложники. С этим ответом Биакай возвратился в Ахульго. ...28-го числа, он снова явился парламентаром; опять был перерыв военных действий – и опять без всякого результата. ... На успех переговоров, очевидно, нельзя было рассчитывать, пока Шамиль имел еще возможность получать извне подкрепления и запасы; а потому решено было наконец привести в действие предположение, о котором давно уже были толки – распространить блокаду и на левый берег Койсу» [5, с. 250].

С 4 августа, когда замкнулось кольцо блокады вокруг Ахульго, положение осажденных катастрофически ухудшилось. Из дневника ген. Граббе: «7 августа.

²⁸ Военный журнал отряда, действующего на левом фланге Кавказской линии, 17–25 июня 1839 г. // РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6361. Ч. 1. Л. 229 (об).

²⁹ Военный журнал отряда, действующего на левом фланге Кавказской линии, 9–17 июня 1839 г. // РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6361. Л. 292–293.

Новое предложение покорности Шамиля. Требую сдать военнопленным», «8 августа. Горская партия, занимавшая вершины левого берега с провиантом для Ахульго, прогнана. Толстой извещает о новых попытках через Джемала вступить в переговоры». 8 августа прибыла в отряд при Ахульго депутация от Андалальского общества с письмом от телетлинского кади Кебедмухаммада («Кибид Магомы»), «который вызвался быть посредником между Шамилем и русскими начальством», однако ген. Граббе «отверг это новое посредничество, вразумив горца, что русское начальство не иначе может смотреть на Шамиля, как на мятежника, испрашивающего себе прощения от великодушия Государя Императора» [2, с. 121]. Милютин подтверждал: «Прибыла в отряд депутация андалальцев, с письмом от тилитлийского кадия Кибит Магомы, который предлагал командующему войсками свое посредничество для «примирения» с Шамилем. Генерал Граббе ответил депутации, что русское начальство, признавая Шамиля и его приверженцев бунтовщиками, не может мириться с ним, а требует покорности» [8, с. 114]. По записям ген. Граббе, имам Шамиль проявлял инициативу к мирным переговорам с 27 июня, в первых числах июля, затем 24-го, 27-го и 28-го июля, и в начале августа – 7-го, 8-го и 9-го.

Спустя три дня после завершения блокады Ахульго ген. Граббе писал: «7 августа. Новое предложение покорности Шамиля. Требую сдать военнопленным». Граббе отказывался открывать переговоры, пока имам не признает себя побежденным и не выдаст, в подтверждение этого решения, своего сына. Из дневника ген. Граббе: «11 августа. Нестерпимо жаркой день. Возвращение Биакая с уверением, что Шамиль выдаст сына своего в аманаты в изъявление совершенной своей покорности...», «12 августа. Переговоры кончились по-азиатски – ничем; но мы их сочли за время трехчасового перемирия. Зной. Придется кончить штурмом, несмотря на неприступность места» [2, с. 122]. Но почему переговоры «закончились ничем»? По всей видимости, «уверения Биакая» оказались недействительными. Милютин вспоминал: «12 августа снова явился парламентар из Ахульго; опять объявлено было перемирие на два часа, и по-прежнему генерал Граббе ставил непременным условием начатия переговоров предварительную выдачу заложником сына Шамилева...» [8, с. 115]. «Непременное условие» начала мирных переговоров имам отказывался принимать. На следующий день, 13 августа, ген. Граббе записал в военном журнале: «Хотя Шамиль чувствует сам крайность своего положения и несколько раз уже подсылал ко мне доверенных людей с предложением покорности, но он не хочет выдать своего сына аманатом, как я того предварительно требовал и надеется еще на выгодные условия капитуляции и свободный пропуск из Ахульго. Он предлагает мне в аманаты одного из ближайших родственников своих и еще по одному человеку из находящихся при нем жителей Чирката и Ашильты, по моему назначению». Граббе вспоминал о том, чем завершились в 1837 г. телетлинские «мирные» переговоры: «Шамиль имеет племянника в Петербурге, представленного им два года тому назад в залог своей покорности, который благодетельствован

правительством и, несмотря на это, в продолжении этого времени не переставал действовать против нас». Граббе писал: «Я не мог согласиться на его предложение выдать в аманаты других лиц и поэтому объявил ему, что если он не представит своего сына, то я не вступлю с ним в никакие переговоры»³⁰.

Имам Шамиль не скрывал, что хотел бы уйти с Ахульго, получив «свободный пропуск», оставив в аманатах несколько человек, только не своего сына. Но у ген. Граббе были свои представления о завершении осады Ахульго – ему нужна была безоговорочная капитуляция имама («прекращение военных действий и сдача на милость победителя»). В тот же день он записал в военном журнале: «Сдача Шамиля и его мюридов военнопленными произвела бы в горах более морального влияния, нежели само взятие замка Ахульго и смерть его защитников. Такой пример ... нанес бы окончательный удар секте, коей представитель Шамиль» (рядом с этим предложением, на полях, рукой военного министра гр. Чернышева написано: «Весьма справедливо, но мне кажется, что надобно от Шамиля требовать безусловной сдачи»³¹).

Предварительные переговоры, начавшиеся 12 августа, длились четыре дня. Из дневника ген. Граббе: «15 августа. Почти холодный день... Опять переговоры, по-азиатски оконченные – ничем» [2, с. 123]. 16 августа в дневнике появляется очередная короткая запись, согласно которой имам уже «соглашается отдать сына», но «лишь бы не сдаваться и гарнизону не сложить оружия», как того требовал ген. Граббе [2, с. 123]. В тот день, 16-го августа, имаму было объявлено, что если до наступления ночи он не выдаст своего сына и не «признает свою покорность», то на другой день будет начат штурм. Войскам отданы распоряжения – приготовиться с рассветом штурмовать Ахульго [8, с. 115]. Имам не ответил на последнее требование ген. Граббе.

17 августа с рассветом артиллерия открыла со всех батарей сильнейший огонь, который нанес осажденным «такой урон, что в продолжение более суток горцы убирали тела убитых» [8, с. 115]. Но и войскам штурм Нового Ахульго «стоил дорого», потеряв более 100 чел. убитыми и 455 ранеными и контуженными [8, с. 115]. Но ген. Граббе добился своего, в тот же день, 17 августа, он с удовлетворением записал в журнале отряда: «Шамиль немедленно выслал ко мне своего старшего сына аманатом в залог своей покорности Государю Императору, как я того предварительно требовал, еще за несколько дней перед тем. Это заставило меня прекратить штурм»³². Немногим позже, ознакомившись с отчетом ген. Граббе о втором штурме Ахульго, император Николай I оставил на полях рядом с этой фразой собственноручную одобрительную надпись: «Шамиль вынужден был, безусловно, выдать своего 9-летнего сына в аманаты прежде всяких переговоров о сдаче замка»³³.

30 Военный журнал отряда, действующего на левом фланге Кавказской линии из лагеря при Ашильте, 4-14 августа 1839 г. // РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6361. Ч. 2. Л. 7.

31 Там же, Л. 8, Л. 15.

32 Военный журнал отряда, действующего на левом фланге Кавказской линии и о взятии нашими войсками замка Ахульго, 1839 г. // РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6361 (ч. 2). Л. 24–24 (об).

33 Из военно-походной канцелярии ЕИВ, 4 сентября 1839 г. // РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6361 (Ч.

Таким образом, 17 августа ген. Граббе получил от имама Шамиля его сына в «залог безусловной покорности императору», и только после этого шага ген. Граббе приступает к переговорам с имамом – в тот же день имаму были вручены условия прекращения осады Ахульго: «Я предписал Шамилю условия капитуляции, необходимые для обеспечения края от будущих возмущений и дал ему три дня срока для их принятия»³⁴. В противном случае – штурм будет возобновлен. Условия капитуляции, предложенные ген. Граббе имаму Шамилю, состояли из четырех пунктов:

«1. Шамиль предварительно отдает своего сына аманатом;

2. Шамиль и все мюриды, находящиеся ныне в Ахульго, сдаются Русскому правительству; жизнь, имущество и семейства их остаются неприкосновенными; правительство назначает им место жительства и содержание; все прочее предоставляется великодушию Русского Императора;

3. Все оружие, находящееся ныне в Ахульго, отдается Русскому начальству;

4. Оба Ахульго считать на вечные времена землю Императора Российского и горцам на ней без дозволения не селиться»³⁵.

Д.А. Милютин дополнял картину наконец-то открывшихся переговоров: «Горцы, значительно претерпев от последнего штурма, так, что целый день должны были убирать тела, упали духом и уговаривали Шамиля скорее согласиться на все условия, предлагаемые русским начальством. Генерал Граббе объявил, что жизнь, семейства и имущества горцев, заключенных в Ахульго, останутся неприкосновенными; но что Шамиль, с главнейшими своими приверженцами должен совершенно вверить свою судьбу великодушию Государя императора и поселиться там, где ему назначено будет. Переговоры начались в тот же день, 17 августа»³⁶.

О мирных переговорах у Ахульго по местным и русским источникам

По хроникам местных авторов складывается впечатление, что многонедельное изнурительное противостояние у Ахульго, которое с большими потерями вели и та, и другая сторона, можно было прекратить мирными переговорами или мирным соглашением, при этом инициатива их проведения приписывается «русскому начальнику». По Карахи, «когда генерал проклятый увидел, что ему не одолеть и не истребить осажденных,

2) Л. 16.

34 Военный журнал отряда, действующего на левом фланге Кавказской линии и о взятии нашими войсками замка Ахульго, 1839 г. // РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6361 (ч. 2). Л. 24–24 (об).

35 Там же, Л. 25–27.

36 Милютин Д.А. Блокада Ахульго с 12 июня по 30 августа (окончание) // Кавказ, 6 августа, 1849 г., № 32

он предложил им прекратить военные действия и заключить перемирие. В качестве заложника он потребовал сына Шамиля» [6, с. 99–100]. О том, что Джамалуддин был отдан «в руки русских в качестве заложника», но без пояснений в «закон» каких условий мира, упоминали и Гаджи Али, и Абдурахман ал-Газигумуки [9, с. 72; 10, с. 22]. К сожалению, Карахи (который писал об Ахульго со слов имама Шамиля), также не передавал об условиях «мирного договора», аманатом которого был затребован, а затем выдан сын имама. Точнее, написал – но не совсем понятное, короткое: «Во исполнение мирного договора русские потребовали тогда возвратить по домам тех женщин и детей, которые находились на Ахульго. Семьи, принадлежавшие к нескольким чиркатинским и гимринским домам, были высланы с Ахульго, но русские не удовлетворились этим» [1, с. 72]. То есть, по условиям «мирного договора», получив в аманаты сына имама, русские потребовали покинуть Ахульго гражданскому населению, женщинам и детям? Но выполнение и этого условия, по Карахи, русским показалось недостаточным – им был нужен сам имам.

Карахи, со слов чиркеевца Юнуса (который 17 июля сопровождал сына имама в отряд русских), далее писал, что его пригласили в палатку к ген. Граббе, с увещеваниями уговорить имама явиться к нему в лагерь: «Пусть он приходит к нам. От этого он получит множество благ, которых хватит до конца света». Юнус, вернувшись на Ахульго, передал имаму и его товарищам основное содержание этого разговора – имам должен выйти к ген. Граббе. Но кем? «Военнопленным», как настаивал генерал (по русским источникам), или за «множеством благ», как передавал Юнус? Имам, по Карахи, отвечал на это предложение: «Я еще до отправки сына в заложники сына знал, что русские не помирятся с нами. Пусть они теперь сражаются с нами с той стороны, с какой хотят. Для них у нас имеется только одна сабля». Странно, что автор не упоминает об остальных важных условиях капитуляции, с которыми имам был ознакомлен в тот же день, 17 августа. Выдача сына являлась первым условием капитуляции имама – ген. Граббе отказывался начинать переговоры без выполнения этого условия. Но, по тексту Карахи, имам словно не подозревает о том, что изначально речь шла не о мире, а о капитуляции.

По Карахи, на следующий день Юнус отправился к ген. Граббе с обличительным ответом от имени имама, составленном на общем совете: «Он [имам] утверждает, ты взял его сына в заложники ради заключения мира, обещая при этом вернуться назад и не наносить никому и ничем ущерба, но ты нарушил это обещание; затем ты приказал отправить часть детей и женщин в их прежние обители, а остальных обещал отпустить туда, куда они захотят пойти, но и в этом вопросе ты проявил вероломство (в чем оно заключалось, автор не пояснял. – прим. П.Т.)». Карахи писал, что Юнус упомянул еще и третий подобный факт, а затем сказал: «После всего этого мы вам больше не верим. Вы – люди вероломные, лживые и коварные». Граббе ... рассердился и сказал: «Шамиль и его слова меня не интересуют. Нам приказано пленить

его, женщин и детей». ... Граббе приказал переводчику вывести его из палатки. Юнус, однако, не вышел, пока не высказал генералу того, что было у него на душе и на языке из-за вероломства русских и нарушения ими обетов» [1, с. 73–74]. Автор рассказа умалчивает о том, каким образом эта вольность сошла ему с рук – ген. Граббе обычно не церемонился с горцами. В частности, в дневнике от 27 июля известна его короткая запись: «Переговоры с присланным от Шамиля; выгнал его» [2, с. 114–119].

Юнус находился в лагере, когда ген. Граббе вновь обратился к нему с требованием («приказом») отправиться обратно на Ахульго и вывести оттуда женщин и детей, он «привел свою жену и тех, кто пребывает вместе с ней, ... так же привел с Ахульго и других людей с их детьми и женщинами». Карахи писал: «Юнус понял, русские хотят, чтобы Шамиль остался на Ахульго один-одинешенек». Здесь не совсем понятно, что этим хотел сказать Юнус? Ведь речь шла о том, чтобы вывести с горы только женщин и детей, не мюридов? Юнус вернулся на Ахульго и сообщил имаму «весть о намерении русских» выпустить с Ахульго женщин и детей. На что имам Шамиль отвечал ему: «Я знал это и раньше» [1, с. 74–75]. Действительно, имам знал об этом – согласно второму условию капитуляции, «жизнь, имущество и семейства их [мюридов] оставались неприкосновенными» [8, с. 141].

Несомненно, имам Шамиль также знал о том, что с выдачей сына русский генерал «не отступится от них на этом» – осажденных на Ахульго ожидал не мир, а только начало переговоров о прекращении войны на условиях капитуляции, которые диктовал ген. Граббе. Согласно второму условию, «Шамиль и все мюриды» должны были сдаться военнопленными³⁷. О каком-либо мире не могло быть и речи – как известно, все безуспешные попытки имама через посредников (чиркеевцев, андалальцев, Биякая из Чиркея, Кебедмухаммада из Телетля) заключить традиционный «аманатский мир», предпринимаемые им с конца июня до начала августа (не менее десяти раз), завершались решительным отказом ген. Граббе, который настаивал: «Русское начальство, признавая Шамиля и его приверженцев бунтовщиками, не может мириться с ним, а требует покорности» [8, с. 115].

Переговоры: имам Шамиль – ген.-м. Пулло, 18 августа

Милютин писал, что «для ускорения переговоров необходимо было личное свидание» с имамом Шамилем. Но имам отказывался идти в лагерь отряда для подтверждения принятия этих условий [8, с. 115]. Так же он отказывался от встречи с начальником штаба отряда ген.-м. А.П. Пулло, которую было предложено провести на самом Ахульго, «впереди расположения русских

³⁷ Военный журнал отряда, действующего на левом фланге Кавказской линии и о взятии нашими войсками замка Ахульго, 1839 г. // РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6361 (ч. 2). Л. 27–27 (об).

войск». Карахи писал: «Шамиль приказал отклонить эту встречу под тем предлогом, что он якобы болен или что-нибудь в этом роде. Он сказал: «Если я пойду, то он может потребовать от нас то, что мы не сможем выполнить»» [6, с. 100]. Вновь не совсем понятно, что имел в виду имам Шамиль под непредвиденными требованиями, когда они были ему предварительно письменно предложены, и он был с ними ознакомлен? Карахи писал: «Народ хотел этой встречи, а Шамиль отказывался. [Дело дошло] до того, что его отказ был отнесен за счет трусости. Тогда Шамиль встал разгневанный, и народ во главе с ним пошел на [условленную] встречу» [6, с. 100].

На следующий день, 18 августа, утром, ген.-м. Пулло с небольшой свитой поднялся на Ахульго – местом встречи была выбрана площадка на Новом Ахульго, уже занятом русскими войсками. Имам Шамиль вышел на встречу ген.-м. Пулло. Оба сели на бурку, разговор длился не более получаса [8, с. 116; 11, с. 536]. О чем они говорили? Отрядный обер-квартирмейстер капитан Н.И. Вольф присутствовал на тех переговорах и позже, в воспоминаниях, писал: «Ген. Пулло предлагал Шамилю жить временно в России, или в Ставрополе, или, наконец, в аулах Умахан-юрт, Б. Кулларах, или Самашках, коих старшины были известны преданностью нам. Но Шамиль решительно на то не соглашался и просил, чтобы ему дозволено было жить или в Ашильте, главном опорном пункте его власти, или в Гимрах, где много его родственников, или в Автуре, коего жители из всей Чечни более всех к нему были расположены и откуда он всегда мог бежать. Разумеется, что на эти условия нельзя было согласиться, ибо это не было бы конец восстания, а возобновление ошибки, которую ген. Кругену сделал в 1836 г. ... Ясно было, что Шамиль не хочет покориться...» [12, с. 505].

Однако Карахи о прошедших переговорах писал совсем другое – как будто бы имаму было сделано предложение о мире, а не предложение сдаться на милость победителя: «Пулло сказал: «Если между нами будет установлен мир и соглашение, то нам будет необходимо доставить тебя к нашему генералу, для того чтобы он увидел тебя и мог сообщить об этом царю». ... Бартихан, дядя Шамиля по отцу, ответил Пулло прежде, чем поспел ответить Шамиль: «У нас есть ученые и опытные знающие люди, они в селении и здесь не присутствуют. Если мы это и сделаем, то только посоветовавшись с ними» [6, с. 102]. Переговоры, к удовлетворению горцев, тут же были прерваны преждевременным призывом «к полуденной молитве, хотя еще и не настало положенное время». По Карахи, «Шамиль встал, сказав: «Нет речей после призыва на молитву». И они расстались» [6, с. 102]. В тот же день, 18 августа, ген. Граббе записал в своем дневнике: «Свидание Шамиля с г.-м. Пулло. Просил сутки на размышление о строгих условиях, мною предложенных. Приготовления к последнему штурму в случае отказа Шамиля сдаться» [2, с. 123]. Милютин не скрывал разочарования: «Личное свидание, от которого ожидали более успеха, осталось бесполезным» [8, с. 115].

И хотя Карахи писал о том, что после этих переговоров «русские

неоднократно требовали посылки посредников» [8, с. 102] для их продолжения, записи в дневнике ген. Граббе от 19 августа свидетельствовали об обратной картине: «Весь день в переговорах. Четыре старика прибыли депутатами ..., прося Шамилю пощады». Граббе стоял на своем: «В плену он должен быть, прочим свободный выход. Два письма от него, в которых по-азиатски просит остаться на месяц в Ахульго, чтобы поселиться потом в Гимрах, уверяя в верности и покорности. Я – требуя выхода в три дня и содержания в Грозной. Мы не в детские игры с ним забавлялись, чтобы кончить почти ничем» [2, с. 123]. Имам отказался принимать условия капитуляции ген. Граббе. Милютин с сожалением писал: «Переговоры доказали, что не было никакой надежды на миролюбивое окончание борьбы и оставалось силою оружия достигнуть желаемой цели»³⁸.

Накануне последнего штурма Ахульго ген. Граббе записал в военном журнале: «В течение трех дней, 18, 19 и 20 августа Шамиль присылал ко мне доверенных людей с разными предложениями, но не согласился на условия, которые я считаю необходимыми для обеспечения спокойствия в Дагестане. 21 числа срок перемирия закончился и ход переговоров убедил меня, что все употребленные мною меры для пощажения русской крови и крови самих неприятелей остались тщетными, и что мне осталось одно средство, сила оружия – для достижения предположенной цели»³⁹.

Последний штурм Ахульго, 21 августа

На 21-е августа был назначен третий штурм Ахульго. Милютин писал, что ген. Граббе был настроен на него решительно: «Он не мог допустить и помышления об отступлении из-под Ахульго до такой степени, что перед последним штурмом уже решено было, в случае неудачи продолжать тесную блокаду хотя бы в течение целой зимы (выделено Д.А. Милютиним. – прим. П.Т.)» [8, с. 123]. Хотя сам ген. Граббе писал немного другое, торопливое: «Необходимо было ускорить действия осады, потому что в сентябре месяце наступает в горах дождливая и холодная погода»⁴⁰.

О последнем штурме Ахульго Карахи, не без досады, писал: «Неверные начали сражение после того, как проговорили таким образом около трех дней, увидели худобу тел товарищей Шамиля, ослабление их сил, многочисленность раненных и больных в среде мюридов, разрушение их укреплений и остальные их слабые места. Обо всем этом русским сообщили мунапики, которые ходили к мюридам от имени Граббе, выдавая себя за посредников, действующих ради заключения мира. Русские теперь обрушились на мюридов...» [1, с. 76]. Дагестанские авторы не сомневались в том, что причиной возобновления

³⁸ Милютин Д.А. Блокада Ахульго с 12 июня по 30 августа (окончание) // Кавказ, 6 августа, 1849 г., № 32

³⁹ Рапорт ген. Головину от 24 августа 1839 г. // РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6361. Ч. 2. Л. 24–24 (об).

⁴⁰ Там же

штурма стала открывшаяся русским информация о слабости и крайней истощенности осажденных [13, с. 81].

Из дневника ген. Граббе: «22–23 августа. ...Взятие обоих Ахульго. 36 часов непрерывного боя, то рукопашного, то на 10 шагах. Успех полный. ...Страшные сцены остервенения горцев. ...Продолжается бой с укрывшимися в саклях» [2, с. 124]. По Милютину, 22 августа «около двух часов пополудни плоскости обоих Ахульго были заняты русскими войсками»⁴¹. В действительности, русские войска к тому времени только вышли на плоскости обоих Ахульго, бои продолжались еще неделю, с 22-го по 29-е августа. Имам Шамиль не был обнаружен ни среди живых, ни среди мертвых. Из дневника ген. Граббе: «25 августа. ...Говорят, будто Шамилю удалось переплыть Койсу и спастись, ... 26 августа. В пещерах продолжают защищаться, ... 29 августа. ...Шамиль ушел с помощью чиркеевцев» [2, с. 124].

Заключение

К началу последнего штурма Ахульго сын имама Шамиля оставался в отряде ген. Граббе, поскольку его выдача аманатом являлась первым пунктом условий капитуляции имама («в залог своей покорности Государю Императору»), а не залогом на время перемирия, или в обеспечение некоего мира между «немирными» горцами и русскими, как представлено местными авторами. Позже, ген.-м. Вольф, участник прямых переговоров с имамом Шамилем на Ахульго, писал: «Требовать своего сына после прекращения переговоров он не имел никакого права, ибо сын не был выдан аманатом на время переговоров, *но в виде залога и доказательства, что Шамиль покоряется правительству*, чего он не исполнил. Ген. Граббе объявлял это с самого начала и неоднократно Шамилю через Кибит Магому, через Джемала, через Биякая – через самых доверенных лиц Шамиля, следовательно, недоразумения быть не могло» [12, с. 505].

Мир ген. Граббе горцам не предлагал – он априори не мог себе этого позволить. Одна из задач, как уже выше упоминалось, поставленных императором Николаем I перед кавказским командованием на предстоящий 1839 г., заключалась в «покорении и усмирении Горного Дагестана». Решение задачи, по мнению командира Отдельного Кавказского корпуса ген.-л. Е.А. Головина, предполагало однозначное «уничтожение укрепленного жилища Шамиля на скале Ахульго»⁴². Корпусной командир не сомневался в том, что «замок Ахульго ... должен быть взят или приступом, или продолжительным тесным обложением», в противном случае «с удалением войск наших Шамиль... опять делается смелее и предприимчивее», настаивая «какие бы

⁴¹ Милютин Д.А. Блокада Ахульго с 12 июня по 30 августа (окончание) // Кавказ, 6 августа, 1849 г., № 32

⁴² Рапорт командира Отдельного Кавказского корпуса ген.-л. Головина военному министру ген.-ад. гр. Чернышеву, 21 марта 1839 г. // РГВИА. Ф. 846. Оп.16. Д. 6361. Ч. 1. Л. 51.

пожертвования не были сделаны, они должны выкупиться взятием Ахульго и истреблением Шамиля»⁴³. В свою очередь, ген. Граббе за время осады не раз отмечал, что не отступит от Ахульго, пока «не будет решительно достигнута цель правительства – уничтожения партии Шамиля и усмирения края»⁴⁴. Методы достижения этой цели менее всего предполагали заключение каких-либо мирных соглашений с горцами. Тем не менее, в памяти горцев история с несостоявшимися «мирными переговорами», уже закрепленных выдачей сына имама Шамиля в заложники «аманаты» (основного «дипломатического» правила дагестанских договоров), утвердилась как нарушение слова и «обман русских».

43 РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6361. Ч. 1. Л. 234.

44 Там же, Ч. 2. Л. 284.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мухаммед-Тахир аль-Карахи. Блеск дагестанских сабель в некоторых шамилевских битвах / Комментированный перевод и примечания Т. Айтберова. Ч. 1. Махачкала, 1990. – 127 с.
2. Из дневника и записной книжки П.Х. Граббе, 1839 г. // Русский архив. М., 1888 г. Т. 5. – 750 с.
3. Воспоминания ген.-фельдмаршала графа Д.А. Милютина. Т.1. Томск: Издание военной академии, 1919.
4. Зиссерман А.Л. История 80-го пехотного Кабардинского полка (1726–1880), Т. 2. СПб., 1881.
5. Милютин Д.А. Год на Кавказе // Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. СПб., 2000. – 683 с.
6. Хроника Мухаммеда ал-Карахи о дагестанских войнах в период Шамиля. (пер. А. М. Барабанова). М., 1941. – 336 с.
7. Тахнаева П.И. Аргвани, мир ушедших столетий: исторический портрет сельской общины Нагорного Дагестана. М., 2012. – 484 с.
8. Милютин Д.А. Описание военных действий 1839 года в Северном Дагестане. СПб., 1850. – 144 с.
9. Абдурахман ал-Газигумуки. Краткое изложение подробного описания дел имама Шамиля / Пер. с араб., введ., комм. и указ. Н.А. Тагировой. М., 2002. – 316 с.
10. Гаджи-Али. Сказание очевидца о Шамиле. Пер. с араб. Сост., вступ. ст., коммент. и общ. ред. В. Г. Гаджиева. Махачкала, 1990. – 194 с.
11. Шамиль. (Из записок пристава при военнопленном) // Военный сборник. № 1. 1861. СС. 133–200
12. Записка ген.-м. Вольфа от 9 июля 1850 г. // АКАК. Т. X., С. 505.
13. Геничутлинский Х. Историко-биографические и исторические очерки. Махачкала, 1992. – 176 с.

Статья поступила в редакцию 15.01.2020 г.

REFERENCES

1. Muhammad Tahir al-Karahi. *Shine of Dagestan sabers in some of Shamil's battles [Blesk dagestanskikh sabel' v nekotorykh shamilevskikh bitvakh] / Commentary, translation and notes by T. Aytberov. Part 1. Makhachkala, 1990. (In Russ.)*.
2. Extracts from the diary and notebook of P.H. Grabbe, 1839 [Iz dnevnika i zapisnoy knizhki P.KH. Grabbe, 1839 g.] *Russian archive. Moscow, 1888, Vol. 5. (In Russ.)*.
3. *Memoirs of General Field Marshal Count D.A. Milyutin [Vospominaniya gen.-fel'dmarshala grafa D.A. Milyutina]. Vol. 1. Tomsk: Publication of a military academy, 1919. (In Russ.)*.
4. Zisserman AL. *History of the 80th Kabardian Infantry Regiment (1726-1880) [Istoriya 80-go pekhotnogo Kabardinskogo polka (1726-1880)]. Vol. 2. St. Petersburg, 1881. (In Russ.)*.
5. Milyutin DA. *A year in the Caucasus [God na Kavkaze] Siege of the Caucasus. Memoirs of the participants of the Caucasian war of the XIX century [Osada Kavkaza. Vospominaniya uchastnikov Kavkazskoy voyny XIX veka]. St. Petersburg, 2000. (In Russ.)*.
6. *Chronicle of Muhammad al-Karahi about the Dagestan wars during the period of Shamil. (transl. by A.M. Barabanova) [Khronika Mukhammeda al-Karahi o dagestanskikh voynakh v period Shamilya. (per. A. M. Barabanova)]. Moscow, 1941. (In Russ.)*.
7. Takhnaeva PI. *Argvani, the world of bygone centuries: a historical portrait of the rural community of Nagorno-Dagestan [Argvani, mir ushedshikh stoletiy: istoricheskiy portret sel'skoy obshchiny Nagornogo Dagestana]. Moscow, 2012. (In Russ.)*.
8. Milyutin DA. *Description of the military operations of 1839 in North Dagestan [Opisaniye voyennykh deystviy 1839 goda v Severnom Dagestane]. St. Petersburg, 1850.*
9. Abdurahman al-Gazigumuki. *A summary of the detailed description of the affairs of Imam Shamil [Kratkoye izlozheniye podrobnogo opisaniya del imama Shamilya] / Transl. from Arabic, introduction, comm. and references by N.A. Tagirova. Moscow, 2002. (In Russ.)*.
10. Gadzhi-Ali. *A story of an eyewitness about Shamil [Skazaniye ochevidtsa o Shamile]. Transl. from Arabic, comp., introduction, ed. by V.G. Gadzhiev. Makhachkala, 1990. (In Russ.)*.
11. Shamil. (From the notes of the bailiff with a prisoner of war) [Shamil'. (Iz zapisok pristava pri voyenno-plennom)] *Military collection [Voyennyy sbornik]. № 1. 1861: 133–200. (In Russ.)*.
12. *Note by Gen. Wolf dated July 9, 1850 [Zapiska gen.-m. Vol'fa ot 9 iyulya 1850 g.] AKAК. T.H. P. 505. (In Russ.)*.
13. Genichutlinsky H. *Historical and biographical studies [Istoriko-biograficheskiye i istoricheskiye ocherki]. Makhachkala, 1992. (In Russ.)*.